

НА ПРОВОДЕ — УЛАН-БАТОР

«Реабилитация» Чингисхана

Недавно я зашел в книжный магазин и купил календарик с изображением Чингисхана. Событие вроде бы рядовое, касающееся исключительно автора этих строк. Если бы не одно обстоятельство. Это было первое широко тиражируемое изображение великого хана за долгие годы. Замалчивание имени Чингисхана началось в 1962 году, когда мир отмечал 800-летие со дня его рождения. Тогда, по словам ученого-монголоведа Н. Жуковской, в одной нашей высокой инстанции сочли торжества по этому поводу обидной инициативой для страны-соседа.

И единственное, что удалось сделать по увековечению памяти «сына Неба», так это поставить ему памятник в местечке Гурван нуур Дадал Хэнтийского аймака, где он родился. Правда, памятник соорудили скромный, из бетона, признав таким образом руководящее указание, поступившее из соседней страны. «Это было настоящей пощечиной, — говорила Н. Жуковская, — лишая жителей государства права вспомнить того, кто это государство создал».

Сегодняшнее время в Монголии — это время реабили-

тации людей, потерявших свое имя на крутых виражах сталинской политики. Все понятно, когда народу возвращаются имена государственных деятелей, писателей, художников, подвергшихся незаконным репрессиям тридцатых годов. А вот ситуация с Чингисханом — парадокс, потому что из забвения возрождается мощная фигура человека, жившего восемь веков назад и попавшего в опалу в угоду политической конъюнктуре.

Впрочем, забвение — это не совсем точное слово. Ибо имя Чингисхана никогда не исчезало из народной памяти и жило в легендах, сказаниях, песнях, которые стари поют и рассказывают долгими зимними вечерами монголы своим детям. С именем Чингисхана можно связать и процессы национального возрождения, происходящие в Монголии. Ведь еще совсем недавно все монгольское здесь считалось второсортным. Под этим соусом старомонгольская письменность была заменена на кириллицу, а в школах больше изучали мировую, нежели монгольскую историю. Более того, перспективы страны несколько десятилетий назад

виделись в полной замене кочевого образа жизни, изначально присущего монголам, на оседлый.

Но все возвращается на круги своя. И вот уже строящуюся в Улан-Баторе феешнебольшую гостиницу называют «Чингис», вместе с японскими учеными организуется экспедиция по поиску могилы Великого хана. В этом же ряду стоит и другое событие, касающееся кинематографии и имеющее огромное политическое значение в жизни страны. Известный монгольский режиссер, выпускник ВГИКа Б. Бальжиниян приступает к съемкам четырехчасового фильма «Чингисхан».

Мой собеседник хорошо известен тем нашим читателям, кто интересуется монгольским кино. На советском экране демонстрировались его ленты «Пять пальцев одной руки», «Я люблю тебя». Видимо, хорошая прокатная судьба ожидает у нас его последнюю работу — историческую кинооперу «Мудрая княгиня Мандухай», которую уже купили в США, Японии, ФРГ, Франции и которая участвовала в конкурсе на кинофестивале в Канне.